

честенный *Земский* (1840 года, № 12). „Откуда такая изобразительность? говорились, между прочим, по поводу этого стихотворения. И как не подозревать тут влияния более сильного, нежели влияние поэтов латинских? Впрочем, чтобы это ни было — дарование ли, воспитанное под сильным влиянием неумирающих поэтических авторитетов, или просто вѣрный тактъ, вѣрное чувство природы — да живет оно!“ „Мы, со своей стороны — говоримъ въ заключение первый рецензентъ Аѳанасія Аѳанасьевича Фета — радостно приветствуемъ его первое вступленіе въ свѣтъ и желаемъ только одного, чтобы оно продолжало свое воспитаніе подъ вдохновительнымъ влияніемъ той благотворной музы, которая такъ привѣтливо улыбнулась ему при самомъ его рожденіи.“

Поступленіе въ 1840 году въ университетъ и множество соединенныхъ съ нимъ обязательныхъ занятій на время остановили дальнѣйшіе поэтические опыты А. А. Фета. Только начиная съ 1842 года въ *Москвитинѣ* и затѣмъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* стали появляться его стихотворенія, сначала по нѣскольку разъ въ годъ, а потомъ почти ежемѣсячно. Въ *Москвитинѣ* стихотворенія Аѳанасія Аѳанасьевича печатались до конца сороковыхъ годовъ. Наконецъ, въ началѣ 1850 года въ Москвѣ вышло новое изданіе *стихотвореній* А. Фета, также какъ и первый его сборникъ, вызвавшее одобрителные отзывы тогдашней критики.

Переселившись съ переходомъ въ гвардію въ окрестности Петербурга А. А. Фетъ началъ помѣщать свои стихотворенія въ *Современникъ* и *Отечественныхъ Запискахъ*. Въ послѣднемъ изъ этихъ журналовъ они печатались и ранѣе до тѣхъ поръ пока по личнымъ соображеніямъ этой редакціи, тамъ не было уничтожено отдѣлъ стихотвореній. Въ 1856 году, на страницахъ *Отечественныхъ Записокъ* стихотворенія начали появляться снова и даже имъ было отведено значительно больше мѣста, нежели ранѣе.

Въ 1860 году Аѳанасій Аѳанасьевичъ поселился въ деревнѣ, въ Орловской губерніи, Мценскомъ уѣздѣ, на хуторѣ Степановка, и совершенно посвятилъ себя сельскому хозяйству. 1863 годъ ознаменовался для А. А. Фета появленіемъ собранія его стихотвореній, въ двухъ частяхъ, изданнаго въ Москвѣ К. Т. Солдатенковымъ. Съ 1866 по 1877 годъ онъ служилъ по выбору участковымъ мировымъ судьей Мценскаго округа, въ которомъ состоитъ почетнымъ мировымъ судьей и понынѣ. За все это время онъ почти ничего не писалъ, за исключеніемъ замѣтокъ по сельскому хозяйству, время отъ времени появлявшихся въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, подъ заглавіемъ *Изъ деревни*. Въ 1877 году А. А. Фетъ переехалъ жить въ Курскую губернію и съ этого времени начинается снова его непрерывная дѣятельность, результатомъ которой явился цѣлый рядъ переводовъ древнихъ классическихъ авторовъ, нѣсколько выпусковъ собственныхъ оригинальныхъ стихотвореній, переводы философскихъ сочиненій и проч. Своими трудами по переводу въ стихахъ на русское языкъ произведеній древнихъ классическихъ поэтовъ А. А. Фетъ оказалъ неоцѣнимую услугу русской литературѣ, такъ какъ до него удовлетворительныхъ и тѣмъ болѣе полныхъ переводовъ этихъ авторовъ у насъ не было. Одинъ изъ такихъ трудовъ А. А. Фета именно его переводъ въ стихахъ произведеній К. Горация Флакка, въ 1884г. — былъ удостоенъ Императорской академіей наукъ *полной Пушкинской премии*. О достоинствѣ этого труда высокодаровитого поэта, могутъ дать нѣкоторое понятіе слѣдующія строки изъ отзыва о его переводѣ Горация, сдѣланнаго, по порученію Академіи, профессоромъ И. В. Пямяловскимъ. „Нѣтъ нужды распространяться и доказывать — говорить между прочимъ ученый рецензентъ — что г. Фетъ стихомъ и рѣшомъ владеетъ съ рѣдкимъ мастерствомъ и это мастерство еще болѣе приближаетъ его переводъ къ подлиннику: Гораций въ совершенствѣ обладаетъ латинскими лирическими метрами, которые отличаются у него съ одной стороны необычайной законченностью отъ дѣла, а съ другой, непринужденностью. Эти же достоинства вліяли на и русскаго его переводчика. Метрич. д. Фета отличаются разнообразіемъ и оригинальнымъ сочетаніемъ стопъ, придающимъ особую прелесть переводу.“ Рѣзюмъ г. Фета, —

говоритъ И. В. Пямяловскій далѣе — отличаютъся рѣдкою полнотой и благозвучностью“. Что касается языка, которымъ переведены у А. А. Фета лирическія произведенія Горация, то и онъ, по отзыву рецензента „при мастерскомъ обладаніи имъ со стороны переводчика, оказывается почти безупречнымъ: рѣчь его гладка, естественна, удобопонятна“. Въ заключеніи своего отзыва о переводѣ Горация А. А. Фета И. В. Пямяловскій называетъ этотъ трудъ „явленіемъ въ нашей литературѣ выдающимся и заслуживающимъ признательности со стороны всѣхъ интересующихся ея развитіемъ“. Таковы достоинства исполненнаго А. А. Фетомъ полнаго перевода Горация. Приведенный отзывъ ученаго рецензента одинаково примѣнимъ и къ другимъ стихотворнымъ переводамъ нашего поэта. — Они, такъ же какъ и переводъ Горация, точно передаютъ содержаніе подлинника, удерживая его размѣръ и не теряя отъ этого въ звучности и красотѣ стиха.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Петербургъ. Въ воскресенье 29-го января, въ концертной залѣ Зимняго Дворца былъ балъ, на которомъ присутствовали Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, Великіе Князья и Великія Княгини, его королевское высочество герцогъ гессенскій Людвигъ IV съ наслѣднымъ принцемъ гессенскимъ и принцессою Алисою, ихъ высочества княжны черногорскія: Милица и Анастасія, а также послы иностранныхъ державъ, за исключеніемъ австро-венгерскаго, который, по случаю траура, вѣнгерскаго вѣдства кончины австрійскаго наслѣднаго принца Рудольфа, быть на балу не могъ. Высочайшій выходъ изъ Малахитовой гостиной въ концертную залу послѣдовалъ въ 9 час. 50 м. веч. Государь Императоръ былъ въ мундирѣ лейб-гвардіи Преображенскаго полка. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ — въ гусарскомъ мундирѣ. Балъ открылся вальсомъ, въ исходѣ десятаго часа вечера, подъ звуки бальнаго оркестра придворнаго музыкальнаго хора. Оркестръ, какъ и въ предыдущіе годы, помѣщался на большой эстрадѣ, находящейся въ углу концертной залы и расположенный къ стороны Невы. Послѣ вальса начались кадрили, которыя чередовались съ другими танцами. Въ танцахъ изволили принимать участіе: Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великія Княгини, его королевское высочество великій герцогъ гессенскій Людвигъ IV, наслѣдный принцъ гессенскій, принцесса гессенская Алиса и ихъ высочества черногорскія княжны Милица и Анастасія. Главнымъ буфетъ съ шампанскимъ, чаемъ, прохладительными напитками, фруктами и конфетами находился, какъ и въ предыдущіе годы, въ той части Военной галлерей (бывшая Помпеевская), которая примыкаетъ къ концертной залѣ; окна этой галлерей были закрыты панно съ драгоценными блюдами и кубками. Сервизъ на буфетѣ былъ серебряный, изображающій сцены изъ охотничьей жизни. Буфетъ освѣщался электричествомъ. Вторымъ буфетъ былъ въ Ротондѣ, также освѣщавшейся электричествомъ. Концертное залу, гдѣ происходили танцы, было освѣщено электрическимъ свѣтомъ, исходящимъ изъ 5 люстръ (въ 600 лампочекъ), вѣсковъ изъ малыхъ лампъ (80 л.) и съ карнизовъ и стѣнныхъ бра (400 л.). Послѣ мазурки въ половинѣ перваго часа пополудни начался ужинъ, сервированный въ Николаевской залѣ, аванзалѣ и на Юрданской площадкѣ, подъ пальмами. Николаевская зала, какъ и въ предыдущіе годы, была превращена въ очаровательный изумрудный садъ, залитый электричествомъ — какъ будто бы солнечнымъ свѣтомъ. Столы были художественно убраны серебряными лавандышами, розами, глациантами и другими роскошными и благоухающими цвѣтами. Особенно привлекавалъ всеобщее вниманіе Высочайшій столъ, съ которымъ ужинали: Государыня Императрица, Великія Княгини, Августѣйшіе гости, послы иностранныхъ державъ и нѣкоторыя другія особы. Этотъ столъ, сервированный противъ портрета Императора Николая I, находился подъ свѣию гигаантской пальмы, стволъ которой выходилъ изъ срединѣ стола, на которомъ былъ раскинутъ газонъ, художественно сдѣланный изъ живыхъ роскош-

ныхъ и различныхъ цвѣтовъ. За ужиномъ воль Государины Императрицы сидѣли послы: съ правой стороны германскій, генералъ Швейницъ, съ лѣвой — турецкій, Шарикъ-паша. Другіе столы въ Николаевской залѣ были сервированы также подъ роскошными пальмами. Въ аванзалѣ преобладали лавровыя деревья. Государь Императоръ не изволилъ садиться ужинать, а обходилъ своихъ гостей и съ нѣкоторыми изъ нихъ бесѣдовалъ. Въ Николаевской залѣ было накрыто 42 стола, въ аванзалѣ 19 столовъ и на Юрданской площадкѣ 16 столовъ. Во время ужина играла музыка: гвардейскаго экипажа, хоръ трубачей кавалергардскаго Ея Величества полка и лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона. Два первыхъ оркестра помѣщались на хорахъ Николаевской залы и Аванзалы, а послѣдній на Юрданской лѣтницѣ. Послѣ ужина танцы возобновились. (Гржд.)

ИНОСТРАННЫЯ ВѢСТИ.

Австрія. По словамъ римскаго корреспондента Daily News, папа Левъ XIII получивъ отъ императора Франца-Иосифа телеграмму, просто извѣщавшую его о смерти кровоприца, немедленно отвѣчалъ на нее, собственноручно написавъ четыре строчки, — что было для него дѣломъ не легкимъ, такъ какъ онъ теперь съ трудомъ держитъ перо въ рукахъ. На слѣдующій день въ Ватиканѣ была получена длинная телеграмма, подробно излагавшая всѣ обстоятельства печальнаго событія и изъ которой усматривалось, что смерть кровоприца послѣдовала отъ самоубійства и дуэли. Въ виду этого представлялся затруднительный вопросъ — достоинъ ли кровоприца церковныхъ похоронъ. По каноническому закону, самоубійство разсматривается какъ результатъ умопомѣшательства, и на этомъ основаніи отпѣваніе допускается для самоубійцы, но отнюдь не для лицъ, лишившихся жизни вслѣдствіе дуэли. Немедленно по приказу папы была созвана конгрегация кардиналовъ для обсужденія этого вопроса, и послѣ продолжительныхъ преній кардиналы пришли къ заключенію, что только умопомѣшанный можетъ принять вызовъ на подобную дуэль. Естественнымъ слѣдствіемъ такого вывода было разрѣшеніе церковнаго обряда. Императоръ, исполненный глубокой признательности, телеграфировалъ папѣ, что его святѣйшество этимъ рѣшеніемъ значительно облегчилъ тяжесть постигшаго его горя. Рус. Вѣд.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Французскій журналъ Science pour tous въ номерѣ отъ 29 минувшаго декабря, сообщаетъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ состоялось любопытное пари въ городѣ Гаммѣ, въ Вестфалии, между нѣкоторыми изъ мѣстныхъ жителей и однимъ сельскимъ хозяиномъ, большимъ любителемъ пчеловодства, утверждавшимъ, что пчелы въ его ульяхъ не только могутъ летать въ скорости полета съ голубями, но и опередить ихъ въ безвѣтренную погоду. Въ назначенный для испытанія день, двѣнадцать голубей и столько же пчелъ были вынесены за четыре версты отъ голубятника и пчельника въ деревню Ринемъ и по сигналу пущены оттуда. Присутствовавшіе при этомъ опытѣ любители голубей помѣстились въ такомъ мѣстѣ, откуда могли одновременно наблюдать надъ голубятникомъ и пчельникомъ. Чтобы распознать участвовавшихъ въ состязаніи пчелъ, ихъ предварительно выкати въ муку. Первая пчела, покрытая мукой, прилетѣла къ мѣсту за пятнадцать секундъ ранѣе перваго голубя, остальные голуби и пчелы прибыли одновременно черезъ нѣсколько секундъ. Такимъ образомъ, обладатель пчельника выигралъ пари, а самый опытъ доказалъ, что пчелы могутъ пролетѣть небольшое разстояніе съ той же скоростью какъ и голуби.

Недоставленные депеши при Курской почтово-телеграфной конторѣ, съ 23 января по 1 февраля.

Конотопъ — Михайличенку, Петербурга — Григорію Лаврову, Парижъ — Соляину, Москвы — Лейдъ, Москвы — Лейдъ, Старого-Оскола — Афанасію, Петербурга — Нелидову, Гривворона — Фролу — Котельникову, Прохорову — Ершову, Харькова — Гуревичу, Обоини — Абакумову, Дмитровска — Эссензону.